

Сергей Горяинов

На пути к трону. Из
неизданной переписки
имп. Екатерины II

Сергей Горяинов

На пути к трону. Из неизданной переписки имп. Екатерины II

<https://litres.ru/74449339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исследование Сергея Михайловича Горяинова посвящено анализу политической борьбы за власть в России середины XVIII века на основе уникальной переписки Екатерины II с английским послом Чарльзом Уильямсом. Автор рассматривает сложные механизмы дворцовых интриг при дворе императрицы Елизаветы Петровны, противостояние различных придворных группировок и дипломатическую игру вокруг вопроса престолонаследия.

В центре внимания — политическая деятельность великой княгини Екатерины Алексеевны, её взаимоотношения с влиятельными фигурами того времени: братьями Шуваловыми, Разумовскими, канцлером Бестужевым. Особое внимание уделяется роли британской дипломатии в российской внутривластной борьбе.

«На пути к трону. Из неизданной переписки имп. Екатерины II» вышла в журнале «Русская Мысль» в 1900 году, 2 (февраль) и 3 (март)

Содержание

1	4
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Горяинов

На пути к трону. Из неизданной переписки имп. Екатерины II

1

В 1756 году императрица Елизавета Петровна часто хворала. Вопрос о дальнейшей судьбе престола начинал всё более и более занимать придворные партии. «Господствовавшая фамилия» (*la famille dominante*) Шуваловых при каждом новом заболевании императрицы предпринимала попытки к сближению с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Тем не менее Екатерина имела немало оснований для тревоги за будущее.

Иван Иванович Шувалов был вхож к государыне во всякое время — и разве он не мог бы, пользуясь своим влиянием на императрицу, склонить её к изменению порядка замещения престола?

В обществе уже ходили слухи о существовании секретного духовного завещания Елизаветы Петровны, по которому её преемником назначался не Пётр Фёдорович, а малолет-

ний Павел Петрович — с назначением регентом графа Петра Ивановича Шувалова, которому вообще в то время приписывались смелые замыслы захвата государственной власти в полное своё распоряжение.

Мысль Елизаветы могли занимать тогда и другие планы. В только что упомянутой депеше голландского посланника рассказывалось, что в начале зимы 1756 года вдруг перевезли в Шлиссельбург несчастного Иоанна Антоновича, которому шёл тогда 16-й год, и, продержав его там до конца зимы, перевели в пригородный дом около Петербурга, откуда однажды вечером он был тайно доставлен в Зимний дворец, и Елизавета Петровна, переодетая в мужское платье, смотрела на него там в присутствии Ивана Ивановича Шувалова из отдельных покоев.

Едва ли одно лишь любопытство побудило Елизавету к этому свиданию. Всё указывало на то, что в вопросе о преемстве престола на случай кончины Елизаветы Петровны могут внезапно открыться большие неожиданности, неприятные и опасные для великокняжеской четы.

Екатерина Алексеевна должна была подумать об упрочении своего положения. На Шуваловых она не могла рассчитывать. Их разделяло с Екатериной взаимное недоверие, о которое разбивались все попытки к сближению. Надо было искать других союзников. Такими союзниками могли явиться прежде всего братья Разумовские — естественные недоброжелатели Шуваловых, сменивших их в ближайшем кругу

государыни. Разумовские командовали гвардейскими полками и могли оказать в случае надобности существенную поддержку Екатерине. Советником Екатерины являлся в это время и великий канцлер граф Алексей Петрович Бестужев — этот «чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твёрдый и неустрашимый, по своим убеждениям довольно властный, враг непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они поворачивались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочной». Первоначально он относился к великой княгине с большим пренебрежением, но, убедившись в её уме и твёрдом характере, сделался в описываемое время её главным пособником. Но звезда канцлера сильно уже поблекла. Он встретил опасного недоброжелателя в лице своего ближайшего сотрудника по службе вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, женатого на двоюродной сестре императрицы Анне Карловне Скавронской. Воронцов ненавидел и Шуваловых, но держался их только для того, чтобы осилить своего главного противника — Бестужева.

Положение Бестужева становилось шатким также и в зависимости от обстоятельств внешней политики.

Европа делилась в то время на два враждебных лагеря. Австрия и Франция стояли против Пруссии и Англии. Бестужев всю жизнь был сторонником Австрии и Англии и ненавидел Францию, между тем как Воронцов и Шувалов стояли во главе французской партии, к которой склонялась и сама

Елизавета Петровна.

Был ещё человек, которого Екатерина могла считать своим поверенным — друг канцлера, фельдмаршал Степан Фёдорович Апраксин. Но это был человек ленивый, ограниченный и ненадёжный. Екатерина отдавала себе ясный отчёт в недостатках Бестужева и Апраксина. Но она держалась этих людей — одного в виду его изворотливого ума и способности вести интригу, другого — в виду его влияния на войска.

Как бы то ни было, всё это были весьма недостаточные, шаткие опоры. При таких обстоятельствах Екатерина, уже подготавливавшая исподволь будущее торжество своего дела, придавала большое значение сближению с английским послом в Петербурге сэром Чарльзом Гандбери Уильямсом. От этого человека она действительно могла ожидать и полной преданности, и готовности работать в её пользу, и материальных средств, столь необходимых для успешности её дела. Ведь Уильямс был представителем страны, которая как раз была заинтересована в том, чтобы расчистить путь к трону великой княгине, являвшейся тогда противницей австро-французской партии Шуваловых.

Уильямс был чрезвычайно опытный дипломат, бывавший во всяких интригах, преклонявшийся перед умом Екатерины и смотревший на неё прямо как на будущую императрицу. В 1756 году между Уильямсом и Екатериной завязалась переписка после отъезда из Петербурга Станислава Понятовского. Эта переписка (на французском языке), содер-

жащая весьма ценные данные по истории постепенной подготовки воцарения Екатерины, хранится в государственном архиве в двух тетрадах, переданных туда 10 мая 1864 года князем Горчаковым по приказанию имп. Александра II. Переписка ведена как будто между лицами мужского пола, без подписей, за исключением одного письма, подписанного Екатериной. Письма Екатерины большей частью изложены небрежно, подчас даже непонятно, с орфографическими ошибками и пропуском слов; почерк нередко очень трудно разбирается. Видимо, Екатерина писала второпях, выражая свои мысли первыми попавшимися словами. Уильямс более внимательно относился к своим посланиям, хотя и у него встречается множество ошибок, а также неправильных и даже не вполне понятных оборотов. В настоящей статье мы намерены познакомить читателей с содержанием этой важной в историческом отношении переписки.

1 августа 1756 года великая княгиня Екатерина Алексеевна переехала из Ораниенбаума в Санкт-Петербург, опередив императрицу, которая прибыла из Царского Села лишь на следующий день. Уже 8 августа Екатерина пишет Уильямсу в шесть часов вечера, что, чувствуя себя за последние семь дней, то есть со времени отъезда графа Понятовского, в очень удручённом состоянии, затрудняющем всякое размышление, она уповает на дружбу Уильямса и на его благие советы, которыми она дорожит и за которые она будет ему благодарна всю свою жизнь. Указания посла ей были нужны по двум случаям, которые она излагает в том же письме.

Во время пребывания в Москве она встретилась с князем Никитой Юрьевичем Трубецким и его женой. Князь после многих уверток навёл разговор на графа Петра Шувалова, уверяя, что его очернили в уме Екатерины, так как он, всегда стараясь быть ей полезным, во многих случаях поступал себе во вред. Трубецкой добавил, что если родственники Петра Ивановича не оказывали Екатерине должного уважения, то он сам ненавидел главного из них (то есть Ивана Ивановича Шувалова) столько же, сколько и она, и даже сильнее её. Видя, что Екатерина, улыбаясь, сомнительно отнеслась к его объяснениям, князь Трубецкой бросился к её ногам, убеждая её своею честью в том, что граф Пётр Иванович,

его ближайший друг, никогда к ней не выказывал неуважения. Он умолял Екатерину изменить своё мнение о Петре Шувалове. Екатерине надоела эта сцена, и, удивлённая тем, кто её разыгрывал, она вызвалась сообщить Шувалову всё то, что князь Трубецкой ей передал о нём. Шувалов, зная её хорошее мнение о князе Трубецком, подумает, что речи князя подействовали на нее. Этим она окажет услугу и себе, и Трубецкому. Приведённый разговор происходил 29 июля; на следующий день, во вторник, уже в Ораниенбауме Екатерина, только что встав, увидела Ивана Ивановича Бецкого, который прогуливался перед её окнами в саду. Приглашённый подняться к ней, Бецкой стал повторять вчерашние речи Трубецкого, настаивая на том, чтобы она ласково обращалась с господствовавшей фамилией, то есть с Шуваловыми. Екатерина тогда передала Бецкому то, что она думала предложить Шуваловым через гетмана графа Кирилла Разумовского, а именно: если они согласятся ей содействовать без всякого коварства, путём, избранным по её усмотрению и когда она того потребует, она постарается исправить многое, что не нравилось Петру Ивановичу, и привести всё в должное положение, к полному его удовлетворению в настоящее время и в будущем. Она бы желала, чтобы Иван Шувалов, выслушав её мнение, действовал согласно с ним и оказывал ей пособие всегда и во всём, о чём бы она ни просила его. Этими услугами Шуваловы обеспечили бы своё будущее. Записав сказанное, Бецкой обещал заехать в Царское

Село и передать кому следовало. Екатерина, однако, не придавала значения этому разговору; «это всё слова, — пишет она, — которые будут иметь мало действия и даже никакого».

Затем Екатерина переходит к рассказу о другом случае.

Только вернувшись в город, она получила письмо от Глебова, этого любимца Петра Шувалова; через его посредство граф был введён к великой княгине. Глебов возвращал ей при этом послании два письма, которые она писала покойной его жене, когда последняя была влюблена в него и в которых он, а также его покровитель Пётр Шувалов были изображены с большим сходством. Ходившие отзывы о Шувалове послужили наглядными примерами для характеристики его любимца. В своём послании Глебов клялся Екатерине в своей привязанности к ней и предостерегал от злых замыслов графа Петра Ивановича. Екатерина ограничилась тем, что велела передать Глебову свою благодарность за возвращение ей писем его покойной жены.

Обещая Уильямсу извещать его, как своего лучшего друга, обо всём, что заслуживало внимания, великая княгиня уведомила его о здоровье императрицы: оно никогда не было так расшатано, вода поднялась в нижней полости живота. Елизавета Петровна собиралась говеть в будущий вторник (6 августа), между тем без ведома пользовавшего императрицу врача (лейб-медика Павла Захарьевича Кондоиди) прибегли к колдовству, и знахарка, которую позвали для облегчения

страданий больной, как говорили, сумела их прервать.

В воскресенье, 4 августа, великая княгиня не встретилась с послом на куртаге, как она надеялась. Елизавета Петровна, вернувшись из Царского Села в Санкт-Петербург, занемогла настолько, что в воскресенье утром не была у обедни в дворцовой церкви, и обычный приём вечером не состоялся. В этот же вечер Уильямс писал великой княгине в ответ на её письмо от 3 августа, что привязанность его к ней беспредельна и что она может располагать его услугами и даже его жизнью. Насчёт просимых ею советов Уильямс, уверяя в своей искренности и чистосердечии, напоминал ей, что он не знаком с Россией так, как она. Основываясь на принципе, что для управления людьми требуется их разъединение, он советовал Екатерине стараться отделить Ивана Ивановича Шувалова от графа Петра Ивановича. Тогда она станет сильнее, а их партия слабее. Но можно ли иметь дело с такими людьми, чьё двоедушие признано всеми? В этом заключалась опасность — пусть Екатерина продолжает выслушивать их предложения, давая им вежливые, но неопределённые ответы. Миссия Бецкого представлялась ему последней попыткой Шуваловых к сближению с великой княгиней и подтверждала очень ясно опасения Петра Шувалова за свою участь вследствие болезни императрицы. Бецкой — не политик; охота ему вторгаться в чуждую ему область вместо того, чтобы продолжать обычную уединённую жизнь, занимаясь философией, искусствами и словесностью. «Когда,

— пишет Уильямс, — вы будете у власти, предоставьте Бецкому заведовать вашими садами, но не пускайте в свой дом. Он разобьёт цветник гораздо лучше, чем составит план, и исполнит рисунок искуснее, чем приведёт в исполнение систему. В делах опыт значит всё, из него создаётся само умение; а советник и врач без практики никогда ничего другого не сделают, как испортят дела и уморят пациентов». Замысел Глебова тоже плутовской, плохо обдуманый и ещё хуже исполненный. Этот человек предлагал свои услуги против своего покровителя, графа Петра Шувалова. Если он действовал взаправду, то он был мошенником, но так как Пётр Шувалов очевидно читал письмо, которое Глебов написал Екатерине, то он являлся просто лжецом. Уильямс слышал, что Глебов уже рассказывал в обществе об этом письме, но ему не следовало хвастаться задуманным планом, успех которого являлся очень неверным. Уильямс одобрял великую княгиню за то, что она не ответила Глебову на его письмо, и советовал ей выслушивать его, не придавая значения его объяснениям, так как в них могла скрываться одна только ложь.

Затем сэр Чарльз просил великую княгиню заметить, что всё добро, сделанное ею когда-либо Шуваловым, не пошло в прок и только послужило их тщеславию и их гордости. Один страх управляет низкими душами; только страху, вызванному в Шуваловых опасной болезнью императрицы, Екатерина обязана последним посещением Бецкого.

«Вот мои советы, — пишет далее Уильямс, — по двум

пунктам вашего письма, но ваши действия не нуждаются в советах».

Затем сэр Чарльз передаёт Екатерине, как его огорчило, что великий князь разгневался на Нарышкина за то, что он насмеялся над голштинскими офицерами, говорившими на ломаном французском языке. «Я очень люблю Нарышкина, — прибавляет Уильямс, — и заклинаю его щадить его императорское высочество и не препятствовать голштинцам выражаться безнаказанно на плохом французском наречии».

В следующем письме к Уильямсу Екатерина сообщает, что Бецкой ей принёс вчера ответ Петра Шувалова на её предложения. Граф Пётр Иванович чуть не бросился Бецкому в ноги, когда ему было передано желание великой княгини возобновить сношения с ним и его родственниками. Оно, по словам Шувалова, возвратило его к жизни. Уверая, что его родственники будут следовать всем её советам, он хотел предупредить своего брата Александра о том доверии, с которым они, Шуваловы, должны были относиться к великой княгине. Но она не верила всем этим словам, находя их сказанными на ветер.

Затем Екатерина переходит к важной политической новости, которая должна была огорчить английского посла. На конференции 2 и 5 августа было признано необходимым возобновить дипломатические сношения между Россией и Францией. Когда Александр Шувалов принёс великому князю Петру Фёдоровичу к подписи доклад конференции им-

ператрице по этому вопросу, Пётр Фёдорович наотрез отказался подписать доклад, основываясь на существовавших интригах Франции по отношению к Швеции, противоречивших его выгодам как великого князя, так и доброго родственника шведского короля. Великий князь прибавил к этому, что он недостаточно доволен ни вице-канцлером, ни Дугласом, чтоб сделать им такое одолжение. Когда же Александр Шувалов стал его уговаривать подписать доклад, он спросил его: «А с какого времени ваш брат Пётр изменил своё мнение? При мне он утверждал, что не надо было связываться с Францией». «Одним словом, я не придираюсь, — добавил Пётр Фёдорович, — но я не подпишу того, что я, по совести, признаю дурно задуманным (*mal fait*)». Напрасно Шувалов стал ему доказывать, что переговоры с Францией зашли уже слишком далеко и что отступление уже слишком поздно, великий князь возразил ему на это: «Тем хуже, если спрашивают моё мнение, когда дело уже сделано; я отказываюсь подписать доклад». О решении великого князя Екатерина уведомила Бестужева запиской, которую ему должен был передать Бернади.

Уильямс, высказав своё одобрение великому князю за неподписание этого доклада, убеждал Екатерину уговорить Петра Фёдоровича, чтобы он не поддавался настояниям Шуваловых, так как в случае если он уступит им и в этот раз, то они в будущем не обратят никакого внимания на его мнение.

5 августа Уильямс имел двухчасовой разговор с Бестуже-

вым, который ему поведал, что он желал бы возобновления прежнего союза с Англией, заключения нового договора с ганноверским избирателем наподобие саксонского и определения той цены, которую Георг согласился бы уплатить России за поставку войск по первому его требованию. Из разговора с Бестужевым Уильямс выводил, что ему нельзя полагаться на канцлера, который отказывался получать первый взнос условленной к уплате России субсидии в 100 000 ф. стерлингов за поставку войск в защиту Ганновера. Уильямс выражал Екатерине свои опасения по случаю приезда французского посла, так как Бестужев просил его жить в лучших отношениях с вице-канцлером графом Воронцовым. Уильямсу казалось, что Шуваловы скрывали какой-то тайный замысел в том, что торопили приезд французского посла; ввиду этого сэр Чарльз советовал Екатерине вывести эту тайну через гетмана графа Кирилла Разумовского, который состоял в хороших отношениях с вице-канцлером графом Воронцовым.

Письмо своё от 8 августа Екатерина начинает изъяснением сэру Чарльзу благодарности за преподанные советы. «Сколько я обязана, — говорит она, — Провидению, которое прислало вас сюда, как ангела-хранителя, для того, чтобы связать меня дружбой с вами, я знаю, что вы питаете таковую ко мне. Вы увидите, что если когда-нибудь я возложу на себя венец на царство, я буду отчасти вам обязана этим. Без вас я была бы под опекой великого канцлера, на которо-

го, как мне кажется, я имею некоторое влияние».

Екатерина подробно описывает затем, какие старания употребляли Шуваловы к тому, чтобы убедить Петра Фёдоровича подписать доклад о возобновлении сношений с Францией. Екатерина замечала при этом, что она согласна с мнением сэра Чарльза о необходимости обращаться с Шуваловыми свысока, но что она в это время поступала иначе только вследствие болезненного состояния императрицы; предвидя роковой конец, Шуваловы могли бы от отчаяния прибегнуть к решительным мерам, осуществление которых следовало замедлить ввиду возможности улучшения здоровья государыни. «Если, — писала Екатерина, — вы не одобряете моих соображений или находите их мало основательными, благоволите начертать более верные пути».

В городе пронёсся слух о приезде прусского генерал-лейтенанта Винтерфельда, будто бы остановившегося в доме английского посла. Спрашивая Уильямса о справедливости этого слуха, Екатерина выражала, что она очень желала появления посланника от прусского короля, хотя бы для того, чтобы служить противовесом влиянию этого негодяя (*misérable*) Дугласа. Приезд французского посла продолжал тревожить великую княгиню. «Но моя проницательность, — пишет она, — является недостаточной, чтобы придумать средства к устранению зла, которое он мог бы причинить. Ваши размышления дадут мне возможность принять какое-нибудь решение».

На следующий день, в пятницу 9 августа, Уильямс узнал из верного источника, что приезд французского посла считался решённым. Удручённый этими известиями, Уильямс передавал Екатерине разговор, который он имел в то же время со своим лучшим другом в Санкт-Петербурге бароном Вольфом, который выразил ему своё сожаление по случаю неминуемого приезда французского посла; по его словам, это будет гибелью великого князя и великой княгини.

Напрасно Уильямс просил его объяснить — Вольф только сказал, что одни слепые могут не видеть такой опасности; Австрия и Франция, находившиеся в союзе, будут тогда располагать русским наследством по своему усмотрению. Он умолял Уильямса, во имя его дружбы к великим князьям, предупредить их своевременно, чтоб они прибегли ко всем своим друзьям для предотвращения этого удара. «Я хорошо знаю Россию, — сказал он, — я присутствовал при всех интригах Рабутина и де-ла-Шетарди, я дружески расположен к великой княгине. Одни только её враги могут предложить или одобрить такой проект. Пусть она постарается привлечь к себе Ивана Ивановича и перевернёт, наконец, всё вверх дном (*qu'elle remue ciel et terre*), чтобы отвратить этот удар». Уильямс добавлял к этим словам барона Вольфа, что последний, как ему казалось, знал более, чем высказывал, но что он постарается выведать от него ещё сведения.

Можно предполагать, что сэр Чарльз преднамеренно сгущал краски для того, чтобы сильнее подействовать на ве-

ликую княгиню и побудить её к походу против происков Франции, вредных великокняжеским интересам, но ещё более опасных для положения английского посла при Санкт-Петербургском дворе. Вот почему Уильямс писал, что хочет переменить батареи (*changer de batterie*), порвать с канцлером, которого он обвинял в том, что не удалась гарантия Ганновера и который предлагал новые переговоры по тому предмету с целью их затянуть до приезда французского посла, не обещая английскому королю никакой помощи, ни даже расположения России. Раз Бестужев попадёт в руки Австрии и Франции, нельзя будет сказать, до каких пределов он дойдёт. На этом основании Уильямс писал Екатерине, что ему надо было искать других друзей в Санкт-Петербурге. Ему казалось, что и она должна была прибегнуть к подобной мере. Поэтому он умолял её на коленях снабдить его советами и оказать ему содействие. Он просил её зрело обдумать предложение Бецкого и рассудить, может ли она положиться на уверения Ивана Ивановича Шувалова. Если она признает их искренними, то пусть она ему скажет, чтобы он в доказательство своей преданности помешал приезду французского посла. Уильямс умолял великую княгиню ответить ему как можно скорее, так как ждёт помощи и утешения только от неё одной. Ответ Екатерины не заставил себя долго ждать, так как она написала Уильямсу в тот же день, что его дурное расположение охватило и её, но что она не поддавалась его опасениям. Её утешала та мысль, что через три месяца

замыслы её врагов не будут столь основательно приготовлены к исполнению, чтобы их не могло разрушить одно событие (*qu'un seul événement ne les détraque*). Предположив даже самые коварные замыслы против неё, необходимо принять в соображение время, когда они могли бы быть осуществлены. Могло ли это случиться при жизни императрицы? Но Уильямс знал, что в стране господствовало всеобщее неудовольствие, в особенности среди военных; притом императрицу должен был останавливать страх перед тремя претендентами, которыми она была очень встревожена и которым она всё-таки предпочтёт своих близких, то есть Петра Фёдоровича и его сына. Разве можно себе представить, чтобы Елизавета Петровна имела в виду одного последнего с отстранением от престола его родителей? Но возможно ли предположить, чтобы она основала всё благополучие империи на судьбе двухлетнего ребёнка? Надо надеяться, что по свойственной ей робости она воздержится при своей жизни от какого-либо решения. Если же Шуваловы задумали произвести насильственный переворот после смерти Елизаветы Петровны — будет ли он заключаться в устранении великого князя и его семейства или только в том, чтобы им связать руки, — то понадобилось бы для сего от двух до трёх часов времени, причём Шуваловы не могли бы справиться одни, никто из офицеров не мог бы быть обойдён. Но великая княгиня надеялась быть вовремя предупреждённой одним из восьми офицеров, которым она поручила следить за

всем, что творится; и если, несмотря на то, её враги имели бы верх, то вина падёт на неё самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.